

Раздел 3.

является наиболее родственной для украинской литературы, у обеих литератур общие корни и крепкие связи. К тому же изучение русской литературы дает детям уникальную возможность читать произведения не только в переводах, но и в оригинале.

И в заключение хочется привести слова доктора филологических наук К. А. Шаховой: “Принагідно скажу, що російська література в наших програмах вивчається надто скорочено. А вона, переконана, мала для українців особливе значення, бо давала образ історії, життя, характерів, естетичних цінностей громадян величезної імперії, до складу якої входила 300 років і наша батьківщина. І робила це на рівні вже згаданих Толстого, Достоєвського, Чехова — визнаних в усьому світі найбільшими письменниками XIX ст.” [1, с. 6].

Литература

1. Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. — 2003, № 3.
2. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: в 2-х т. — М., 1987. — Т. 2.
3. Крутецкий В. А. Психология обучения и воспитания школьников. — М., 1976.
4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. — М., 1988.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2004 г.

УДК 81-139:378

Н. П. Иванова, М. Конлифф

МЕНТАЛИТЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ГЛУБИНКИ И “МИФ “НЕ Я” В “ИСТОРИИ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА” В. Г. КОРОЛЕНКО

Вопрос о взаимовлиянии человека и окружающего его предметного мира на уровне литературного произведения является одной из главных составляющих проблемы соотношения формы и содержания, о неразрывном единстве которых писали такие исследователи, как В. М. Жирмунский, А. И. Белецкий, М. М. Бахтин и многие другие. Если же конкретизировать направление проводимых нами исследований, то следует сказать, что нас интересует влияние внешней среды на формирование менталитета представителей русской глубинки, так называемых “починковцев”, описанных в части под названием “Лесная глушь” третьей книги “Истории моего современника” В. Г. Короленко, которая и является **материалом исследования**, а также влияние системы их взглядов, верований, ценностей на отношение к внешнему миру, на создание предметного мира, т. е. на формирование “мифа “не я” (термин П. Н. Сакулина). Мы рассматриваем картину жизни починковцев под углом зрения,

отразившемся в вопросе Д. С. Лихачева, заданном в "Заметках о русском": "Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине потому, что она пришла им по душе?" [1, с. 425] В связи с вышеизложенным **новизна работы** заключается в том, что на основе интерпретации особенностей ментального пространства представителей определенной социальной группы делается вывод об основных мировоззренческих и ценностных ориентирах данной группы.

Теоретические основы работы. О взаимовлиянии природы и человеческой ментальности писали многие исследователи. Этому вопросу посвящена, к примеру, монография В. А. Никольского "Природа и человек в русской литературе XIX века (50-60-е годы)" (Калинин, 1973), исследование К. Хорвата "Романтические взгляды на природу" (М., 1973), статьи "Природа и доброта", "Просторы и пространство" в уже упомянутых "Заметках о русском" Д. С. Лихачева (Л., 1981), а также монография М. Н. Эпштейна "Природа, мир, тайник вселенной" (М., 1990). В этих работах исследователи указывают, с одной стороны, на зависимость мировоззрения и миропонимания человека от характера окружающего его мира и, с другой стороны, на зависимость картины мира в человеческом сознании от особенностей его ментальности и национального характера, поэтому обращение к предметному миру, творимому человеком в соответствии с его представлениями об оформляемом "мифе "не я", а также анализ видения природного мира дают уникальную возможность для понимания особенностей национального характера, мировоззрения, системы ценностей представителей той или иной социальной группы. Как справедливо заметил Д. С. Лихачев, "отношения природы и человека — это отношение двух культур, каждая из которых по-своему "социальна", общежительна, обладает своими "правилами поведения". Их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития..." [1, с. 433].

Ряд исследователей отмечали важную роль "Истории моего современника" Короленко в раскрытии данной темы. Так, М. К. Азадовский в работе "Поэтика "гиблого места" (М.-Л., 1947), приводя слова самого писателя о том, что ссылка дала ему "возможность увидеть самые глубины народной жизни и встать с народом в отношения полного равенства", указывает и на следующий факт: "Он не говорит: узнать или познать, но именно почувствовать, то есть чутьем художника постичь основные черты характера, уловить какие-то скрытые силы, которые связывают человека со всем окружающим бытом, и прежде всего с природой. И на фоне сибирского пейзажа, через призму его образов, стремится Короленко "почувствовать" душу сибиряка и уловить смысл его существования" [2, с. 528-529]. Таким образом, "пейзаж Короленко тесно связан с человеком" [2, с. 514].

Почти все, что Короленко пишет в первой части третьей книги "Истории моего современника", касается его ссылки в Березовских Починках с позднего октября 1879 до конца января 1880. Хотя "История" начала получать отклики сразу после выхода первых глав, в короленковедении части "Истории моего

Раздел 3.

современника”, посвященные прибытию Короленко к починковцам, получили относительно мало внимания, тем более важными и интересными представляются проведенные исследования.

Так, в “Жизни В. Г. Короленко” (1946 г.) А. Дерман говорит о том, что Короленко черпает в “Истории” подробности, изображающие развитие понимания им народа в то время, когда он был в Березовских Починках. Дерман указывает на то, что, хотя “жизнь среди народа в значительной степени рассеяла розовый туман, в котором ему представлялось крестьянство”, любовь Короленко к народу укрепилась. Он подчеркивает ясность, с которой Короленко видел несправедливость государственных отношений к починковцам, “вековое невежество” народа, чувство протesta в народе против государства и даровитость народа [3, с. 48-49]. Для Дермана самое главное — описать жизнь Короленко, и “История” служит источником в этом процессе.

В монографии “В. Г. Короленко” (1983) Г. Бялый тоже замечает, как у починковцев меняется точка зрения Короленко на народ, предполагая, что “освобождение свое от влияния такого народолюбия он [Короленко] рассматривает как значительнейший этап своей жизни” [4, с. 279], но Бялый интересуется также политическими тенденциями, даже стремлениями починковцев, которые Короленко описывает в “Истории”.

В работе “Короленко” (1962) Г. Миронов, как Дерман в “Жизни В. Г. Короленко”, описывает жизнь Короленко, и он берет из “Истории” те подробности, которые позволяют ему с точностью изобразить тех людей и случаи у починковцев, на которые Короленко натолкнулся, он не сосредоточивается ни на развитии понимания Короленко народа, ни на темах или целях “Истории”.

В своей статье “Личность и эпоха в “Истории моего современника” Короленко” Б. В. Аверин считает ранние страницы третьей книги “Истории” необходимыми для того, чтобы рассматривать проблему Короленко и его поколения, “предвзятых представлений” народа, о которых Короленко говорит во всей этой части [5, с. 179-180]. Но, в сущности, общие впечатления Короленко о починковцах Аверина не интересуют.

В связи с этим **цель данной статьи** — исследовать, каким образом в “Истории моего современника” Короленко отражается сложный процесс взаимовлияния русской ментальности и “мифа “не я””. **Задачи статьи:** 1) выделить основные особенности мировоззрения и миропонимания человека русской глубинки, описанные Короленко в части “Лесная глушь” “Истории моего современника”; 2) проанализировать, какие особенности окружающего мира способствовали их развитию; 3) проанализировать, каким образом ментальность починковцев определила оформление ими “мифа “не я”” и отразилась в нем.

Очевидно толкователям, как и всем читателям “Истории моего современника” и писем В. Г. Короленко, что Короленко в Сибири не бесполезно проживал свою ссылку. В своих статьях, посвященных столетию со дня рождения Короленко, Р. Ф. Кристиан и П. Ершов замечают, что Короленко смотрел в лицо невзгодам, именно своей ссылке, со стойкостью, даже с непредубежденностью, выражая тот оптимизм, которым наполняются его художественные

произведения, публицистика и мемуары. Кристьян с некоторой отвагой предполагает, что “у Короленко была способность изменить политическую ссылку неизвестной продолжительности на неожиданный отдых” [6, с. 451]. Ершов с меньшим разъединением объясняет, что для Короленко “арест, ссылка в царское время не только не сломили его духа и его безупречной совести (ведь его и называли в те времена печатно “совестью современной России”), а за jakiли и “усосредоточили” идеяность, гуманность” [7, с. 135]. Эти идеяность и гуманность очевидны и в подробностях, с которыми очерки “Истории” пишутся, и в отношении Короленко к народу, с которым он знакомился во време-мя своей ссылки.

Нередко в “Истории” Короленко вспоминает событие и высказывает свое настояще мнение о нем, сравнивая это мнение с первоначальным. Такими сравнениями Короленко обнаруживает, с одной стороны, свое развитие и, с другой стороны, подчеркивает важность, которую он видит в таких событиях, напоми-ная читателю о прошлом и побуждая его осознать высокую степень этой важ-ности. Работая над “Историей”, он сам надеялся, “что многие эпизоды из вре-мен моих ссылочных скитаний, события, встречи, мысли и чувства людей того времени и той среды не потеряли и теперь интереса самой действительности. Мне хочется думать, что они сохранят еще свое значение и для будущего” [8, Т. V, с. 7].

В первой части третьей книги “Истории” Короленко представляет ряд кар-тин крестьянской жизни починковцев. Хотя, по словам Короленко, предки по-чинковцев “жили дико, но свободно”, в этих первых картинах их настоящей жизни Короленко подчеркивает особую ограниченную простоту.

В начале второй главы “Лесной глухи” Короленко предполагает, что эта простота отчасти происходит оттого, что починковцы живут на краю света, и объясняет, что ничего не влияет на их жизнь. Он выражает неподвижность их жизни описаниями их жилища и поведения, обращая особое внимание на то, что изменить жилище и поведение починковцы не желают, и показывая, как их ма-ленькое общество застыло во времени.

Очень показательным в этом смысле является пейзаж, который можно наблюдать прямо с крыльца избы Гаври — починковца, у которого жил Короленко: “Вблизи протекала замерзшая речка” [8, Т. VII, с. 15]. Так создается “миф “не я”, который позволяет судить и о самом “я”, в данном случае о Короленко как наблюдающем и оценивающем человеке, и о починковцах как представи-телях русской глубинки и носителях характерных черт её менталитета. Ёмкость приведенной метафоры, играющей очень важную роль в оформлении “мифа “не я”, очень велика: течение жизни в Бисерове замерло (ничто замерзшее проте-кать не может), однако для недавно приехавшего Короленко пока что так ес-тественно видеть жизнь в её течении, что он поневоле переносит это видение на починковцев, хотя и понимает, что ситуация совершенно иная: “Во всем — и в природе, и среди людей и их поселений — чувствовалось что-то незакон-ченное, незавершенное” [8, Т. VII, с. 15], — таков его вывод, и образ замерзшей в своем течении реки приобретает символическое значение.

Раздел 3.

180

Русский язык и литература: теория и школьная практика

И это не единственный образ такого рода. До образа-символа косности русского человека вырастает и “черная изба” Гаври — следующий важный компонент “мифа “не я”: “Печной трубы не было. В жерло огромной печи... пыхал дым и пламя. Хозяйка, охваченная темными клубами, пронизанными красными отблесками пламени, казалось, стоит в аду. С другой стороны от двери валил холодный пар, взбивая дым кверху. Между этими двумя течениями началась борьба, и вскоре они поделили между собой избу: холод стал внизу, дым поднялся кверху до уровня человеческого роста и стоял там, точно опрокинутое и волнующееся море” [8, Т. VII, с. 10]. Поддерживать тепло в такой избе неимоверно трудно, к тому же, есть риск угореть, однако хозяин не испытывает никаких неудобств: “Привычной я, — отзывался с печи, которая была вся в дыму, веселый голос Гаври... — Другие угодают, а меня угар неимет...” [8, Т. VII, с. 10-11]. Как узываема в этом потрясающая способность русского человека мириться с трудностями, стараться приспособиться к различного рода неудобствам и выжить с имеющимися проблемами, не находя в себе ни желания, ни решимости что-либо делать для улучшения ситуации: “В других избах давно уже были печи “по-белому”, то есть с трубами. Гавря продолжал доказывать, что в черной “много тепляе”, на что некоторые соседи ухмылялись...” [8, Т. VII, с. 13].

Вспомним бунинское изображение большого дома, воплощения давней мечты, достроить который у хозяина не хватило ни средств, ни сил, и получим возможность сделать вывод о существовании в русской литературе рубежа XIX – XX веков приема передачи черт национального характера с помощью образа дома в оформляемом “мифе “не я”.

Но это лишь одна сторона медали: “не я”, творимое человеком и несущее на себе отпечаток его ментальности. Однако, как нам представляется, это двунаправленный процесс: “не я” тоже определяет ментальность, причем, возможно, именно это влияние и было первичным. Об этом взаимовлиянии был вопрос Д. С. Лихачева в “Заметках о русском”. Освоение безграничных русских просторов и породило починковцев: “Может быть, еще ушкуйники заходили сюда, приводя за собой толпы поселенцев, уходивших от московских порядков и тесноты. Они приходили и оседали в лесах. Когда первоначальные поселения разрастались в села и деревни, то часть жителей опять снималась и уходила дальше в леса, расчищали их и ставили починки. Жили дико, но свободно” [8, Т. VII, с. 16].

И эта лесная жизнь поневоле определяла мировоззрение починковцев: “Я был в лесу; среди лесных нравов” [8, Т. VII, с. 44], — говорит Короленко. Отсюда и типичное для русского национального характера ощущение того, что все пространство вокруг тебя тебе же и принадлежит. Вот как до трогательности просто починковцы осваивают и присваивают это пространство: 1) “...он срубил часть казенного леса, на пнях положил кучки мха и сжег его. Это по местным обычаям значило, что он занял это место под землю. Так это и знали соседи”; 2) “земля в прочих сторонах “разделена подсевтино”. А значит это вот что: выезжай в поле и становись поперек вместе с сохой и лошадью.. Только и твоей земли. Правда, — в длину пашь сколько хочешь, хоть до самого неба... Да неудобно, узко. Это и

называется подесятинно. Кто ввел такие порядки, какой в них смысл, — это починковца не касалось и не интересовало” [8, Т. VII, с. 16-17].

Удивительно в сознании починковцев и в их “мифе “не я” уживается вот это ощущение широты раскинувшегося рядом пространства и в то же время собственного нахождения на его краю, а значит, собственной исключительности: “Мы край света живем, под небо сугорбившись ходим, — улыбаясь, говорил мне балагур Гавря. — Про нас это в прочих местах бают, будто бабы у нас белье полощут, вальки на небо кладут...” [6, Т. VII, с. 17]. А значит, в менталитете починковцев существует право на эту остановку в развитии, нежелание изменять веками устоявшийся образ жизни.

То, что Короленко считал абсолютно реальным влияние особенностей окружающего мира на ментальность человека, доказывает и следующее наблюдение М. К. Азадовского: “Вот образ и формула, в которых раскрылась суровая сущность жизни ленских станочников, обитателей берегов великой северной реки. Образ камня становится основным: все впечатления Короленко от жизни и быта страны оказываются точно замкнутыми и скованными узкими рамками “каменного мира”. Этот образ как будто давит художника, гипнотизирует, преследует его на всех путях, и он все время упорно и неотступно возвращается к нему... Эти видения и образы формируют и обуславливают у Короленко всю целостную поэтику северного сибирского быта, подобно тому как законы каменного бытия формируют и обуславливают весь уклад жизни “на этих берегах”, “у этих камней” [2, с. 531].

В части “Лесная глушь” изображены также разговоры между Короленко и починковцами о богах и о духовном мире — другой важной части миропонимания. Писатель замечает, что в починковцах есть признаки “набожности”, но показывает, что починковцы исполняют христианский обряд по привычке, не думая ни о причине их молитвы, ни о сущности их религии.

Возьмем на себя смелость утверждать, что сознание починковцев гораздо ближе к мифологическому, дохристианскому, нежели к христианскому. Их мир — это мир ритуала. Нет, в их домах есть иконы, но поклонение им — лишь часть обряда, лиць составляющая “мифа “не я””: “Однако в починках были все признаки так называемой набожности. Во всякой избе была божница. Каждый раз, входя в чужую избу, починовец прежде всего обращался к ней, трижды крестился на иконы, а уже после здоровался с хозяевами. Сядясь за стол и вставая после всякой еды, тоже не забывал креститься” [8, Т. VII, с. 20]. Почему набожность “так называемая”, а поклонение христианским иконам вовсе не исключает дохристианского сознания? Потому что мировоззрение и мораль починковцев весьма далеки от христианских.

Гавря так объясняет причину обращения к иконам: “Да оно того... Оно глико-ся... Будто так лучше” [8, Т. VII, с. 21]. А починковская женщина категорически отвергает основополагающую христианскую идею о существовании вечной жизни: “Я чаю, хлопает поп зря, — сказала она категорически... Пал да пропал — больше ничего, — сказала она удивительно просто” [8, Т. VII, с. 21-22].

Раздел 3.

Как представляется, у Короленко было достаточно оснований для того, чтобы прийти к следующему заключению: "...в этом лесном углу никакой в сущности религии не было" [8, Т. VII, с. 21]. Что было? Было традиционное для мифологического сознания следование ритуалу: "У Гаври был природный дар — схватывать и откладывать в памяти слова ритуала на все жизненные случаи. И слова и все приёмы" [8, Т. VII, с. 53].

И "миф "не я" оформляется в полном соответствии с законами этого мифологического сознания: "...к богу обращаются только в необходимых случаях, как свадьбы, крестины, похороны. Но с колдунами приходится то и дело советоваться по поводу многих случаев: тут леший ворует рыбу, тут человек заболел от "насыла по ветру". Летом над заводями русалки расчесывают косы, таинственная "лихоманка" ходит по свету, огненный змий летает по ночам в избы к мужикам и бабам..." [8, Т. VII, с. 24]. Интересно, что лешаков видели практически все починковцы. И это неудивительно, т. к. таким образом реализуется еще одна грань мифологического сознания: четкое разделение мира на "свое" и "чужое" и автоматическое приписывание чужому отрицательного знака. Показательным в данном случае может являться рассказ починковца Мирриенка о том, как в его избу приходили "лешаки". На вопрос Короленко "почему же ты думаешь, что это были лешаки?" починковец без тени сомнения отвечает: "Кому больше быть-то... Вошли, на икону не крестились. Бороды, сказываю тебе, — большу-ущие. Вот ты — бородатый человек, сразу видно — не здешний. А у тех бороды куда твоей больше... Что тут и баять: мне ли не знать здешнего народу..." [8, Т. VII, с. 24]. Непохожесть на "своих" и неследование ритуалу автоматически причисляет человека не просто к "чужим", а как бы к "сверхчужим" — непосредственно к нечистой силе.

Этот образ мыслей накладывает отпечаток даже на ссыльных, живущих среди починковцев: в них поселяется страх перед чужим, имеющим непривычный облик. Даже подлинность и святость икон при этом ставится Санниковым под сомнение: "Везли раз через их село чудотворную икону владычицы... Не простая икона: с земли греческой. Возили ее какие-то люди, тоже не наши: монашки с лица черномазые и волосом черные. Глаза, как угли, и владычица на иконе на ихнюю же стать, — тоже темноликая" [8, Т. VII, с. 41]. На основании того, что "люди сказывали", оказалось, что появление этой иконы — козни антихриста, и Санников признается в своей полной неспособности отличить следование ритуалу от истинной веры: "Конечно, мы люди темные, долго ли душу погубить!.. — говорил Санников с скорбным выражением лица, пытливо взглядываясь в меня. — Может поэтому иные люди и не крестятся на иконы..." [8, Т. VII, с. 42].

Короленко описывает жизнь починковцев реально и конкретно, и относительно их жизни, кажется, у Короленко нет никаких иллюзий. О том времени, когда Короленко писал "Историю", и о критике либерального народничества в тот период Б. В. Аверин пишет: "Первоочередная задача писателя — показать самый процесс возникновения иллюзий, проследить, как иногда полностью извращают они восприятие реальной действительности, наметить возможные

средства их преодоления" [5, с. 179]. Правильно указывая на настоящую авторскую точку зрения, Аверин вместе с тем упоминает о разрушении бывших "идеализаторских народнических теорий" Короленко. Как Короленко признается, "я пишу только то, что видел сам и что испытал среди этих лесных людей. Поэтому буду рассказывать лишь так, как видел" [8, Т. VII, с. 56].

Одной из главных тем в "Истории" вообще и в третьей и четвертой книгах "Истории" в частности является проблема семьи. В первых двух книгах, предметами которых являются детство и юность Короленко на Украине и в России, автор придает особое значение своей семье, а именно, семейным отношениям. В "Лесной глупши" Короленко рассказывает о своей ссылке, обращая особое внимание и на людей и места, с которыми он знакомился в ссылке, и на развитие своего понимания этих людей и мест. В этой части третьей книги Короленко передает чувство крестьянской семейной жизни, с которой он встречался в первые дни ссылки.

В этой части "Истории" показаны семейное поведение (Гаври, Лукерьи, их сына и снохи), их участие в бытовых действиях и отношения между ними и Короленко. Этим описанием Короленко подчеркивает четкую структуру в семье, в которой Гавря — кажущийся глава, и ставит вопрос о правильности этой структуры. Парадокс в том, что Гавря — семейный глава, но он никакой полезной или главенствующей роли в семье не играет. Все-таки он имеет право оскорблять сына и злоупотреблять покорностью жены, а никто в этом его не упрекает. Действительной главой является Лукерья, которая трудится, уважает людей и понимает потребность мужа оскорблять и злоупотреблять. Она с трудом, по словам Короленко, верит в то, что ее сноха сама войдет в свою колею, и убеждает Короленко в том, что жизнь будет лучше у них без него (нравственно правильного) вмешательства в их жизнь ради женщин. Благодаря трудности и способности Лукерьи семья сохраняет свои жизненный уклад, но для семьи жизнь не улучшается и не ухудшается. У них есть свои привычки и обычаи, а действия и мнения Короленко на них мало влияют.

В поведении починковцев Короленко видел непоколебимую и некритическую веру в бога, в обычай и в царя, и он старается объективно объяснить эту веру, не приуменьшая ее, а рисуя те случаи, в которых они возникают. Как Короленко нередко замечает, у них была совсем традиционная жизнь: "Не знаю, какие изменения внесло время, прошедшее с тех пор, как я оставил починки. Но тогда это была страшная глушь и дичь. Люди жили точно несколько столетий назад. О современных общественных отношениях не имели ни малейшего понятия". [8, Т. VII, с. 16]. Но иногда Короленко видел признаки, что новые мнения цвели на этом краю света. Один пример этой веры в царя достоин внимания, потому что он показывает и твердость веры, и ее возможное ослабление.

Когда ссыльный крестьянин Федор Богдан рассказывает починковцам историю о своем прошении к царю за крестьян, которые хотели получить помощь в длинной тяжбе с помещиком, Короленко привлекает внимание к двум идеям. Во-первых, вызывает интерес, как люди, которые дают поручение Богдану,

Раздел 3.

требуют от него несомненного доказательства его присутствия у царя. Богдан сам знает это, когда он просит у адъютанта царя: “Ваше высокое превосходительство. Будьте милостивы: не поверят наши люди, что я подал царю прошение. Нельзя ли мне дать квиточек (расписку)?” [8, Т. VII, с. 31]. Его люди твердо верят в царя, и, по их мнению, когда Богдан возвращается из Петербурга в первый раз без расписки от царя, и месяцы проходят без результатов, они делают вывод, что царь ничего не получил от Богдана, и что только Богдан виноват. Действия людей четко показывают твердую веру в царя и в то, что он делает все возможное, чтобы помочь народу. Когда Богдан возвращается во второй раз с распиской, они очень ценят его, но нельзя забывать, как Короленко объясняет, что действия Богдана и ожидания людей совсем обыкновенные: “В те годы ходили тучами летели в Петербург. Это было целое бытовое явление. Они шли к царю, освободившему народ, с надеждой, что он на их стороне, что он стоит за их правду” [8, Т. VII, с. 39]. Во-вторых, интересно то, как починковец Гавря реагирует на арест Богдана как опасного агитатора. Гавря, как вспоминает Короленко, “сказал своим нервным отчетливым голосом: — А неладно, слышь, и царь-те делает ...” [8, Т. VII, с. 39], и при этих словах Короленко кажется, что он [Короленко] “присутствовал в тот день при незаметном просачивании струйки того наводнения, которое в наши дни унесло трон Романовых” [8, Т. VII, с. 38]. Об историко-политическом значении этого эпизода “Лесной глупиши” Г. Бялый пишет подробно [4, с. 277-282], но нам приходится заметить, что сентенция Гаври совсем неожиданная, совсем необычная, и по мнению Короленко, говорится непроизвольно.

В finale “починковской” части “Истории моего современника” мы встречаем, на наш взгляд, явное подтверждение идеи взаимопроникновения “мифа “не я” — представлений людей об окружающем мире — и человеческой ментальности. Дело в том, что вера русского человека в “доброго барина” настолько велика, что даже если барин почему-либо и не оказывается добрым, то это вовсе не погому, что гениально подмеченное Некрасовым упование “вот приедет барин” ошибочно. Это просто означает, что над ним должен быть кто-то более хороший и более вышестоящий, который уж точно решит все проблемы, и поэтому в народе возвращается миф о самом добром и стоящем выше всех барине — царе. Вспомним знаменитую сцену народного ликования при виде царя в “Войне и мире” Л. Н. Толстого и вполне искреннее восхищение царем Николая Ростова и сделаем вывод о том, что этот миф определял народное сознание не только в русской глубинке. То, что этот миф не выдерживает проверку реальностью, объясняется крестьянами следующим образом: злые господа не дают проявиться царевой доброте (“господа стремятся известить царя”). И Короленко описывает случай, когда “в одном месте толпа крестьян долго гналась за исправником, проезжавшим мимо какого-то села с колокольцами. Звон колокольцев почему-то на этот раз возмутил крестьян: начальство, дескать, раздается в то время, как на царя производятся покушения” [8, Т. VII, с. 96]. В данном случае интересно отражение неразрывной и бесспорной связи коннотаций предметного мира с ментальностью человека, причем в данном случае именно

эта связь определяет поведение людей: они бросились за исправником только потому, что при оформлении "мифа "не я" они закрепили за колокольцами чувство радости и торжества.

С этой точки зрения особенно интересным представляется сознательное оформление "мифа "не я" Короленко. В данном случае процесс идет в обратном направлении: отметив и описав эту характерную для русского человека любовь к царю, писатель проецирует ее на восприятие окружающего мира: "...когда я, под вечер 19 февраля, подъезжал к Ярославлю на тройке, запряженной в крытый возок, то впереди меня весь горизонт пыпал огромным заревом, кидавшим отсвет на волжские снега. Навстречу нам, а еще более в обгонку ехали сани, в которых жители сёл стремились в город, чтобы посмотреть царский праздник... у меня было ощущение, что на этой волжской дороге, а вероятно и в приволжских сёлах, как это зарево, стоит теперь торжественное настроение царского праздника и не остывшей еще благодарности к царю -- освободителю" [8, Т. VII, с. 97].

В этом описании есть еще одна составляющая: тройка. Очевидно, что ко времени написания "Истории моего современника" у всех людей, знакомых с русской литературой, этот образ должен был устойчиво ассоциироваться с Россией и символизировать ее благодаря "Мертвым душам" Н. В. Гоголя. И в этой связи особенно интересным и важным представляется изображение Короленко этого зарева народной любви с едущей к нему тройкой. Как нам представляется, такая трактовка данного фрагмента оформления "мифа "не я" небезосновательна, т. к. в финале этой части Короленко пишет: "Мне теперь часто вспоминается этот далекий вечер. Над умами народа стояло, как это зарево вверху, фантастическое представление о царях, непрестанно пекущихся о народном и, главным образом, крестьянском благе..." [8, Т. VII, с. 97].

Выводы

1) Существует как сознательное, так и бессознательное наполнение "мифа "не я". Эти два источника в полной мере отражены в "Истории моего современника" В. Г. Короленко. Этот миф, с одной стороны, отражает особенности ментальности и национального характера, с другой стороны, формируется под воздействием этих особенностей. В данной статье мы проследили за отражением такого рода взаимовлияния в части "Лесная глушь" "Истории моего современника" В. Г. Короленко, поскольку, по справедливому замечанию Н. Шаховской, этот писатель стремится уловить "все нити, которыми личность связывается с окружающими условиями и обстановкой".

2) Анализ описанной взаимосвязи может дать достаточно полное и правильное представление об особенностях менталитета людей из русской глубинки рубежа XIX–XX веков, а в конечном итоге, об особенностях русского национального характера. **Анализ оформления "мифа "не я"** представляется весьма продуктивным в такого рода работе, а значит, **может являться направлением дальнейших исследований**.

Раздел 3.

Литература

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3-х томах. — Л., 1981. — Т. 2. — С. 418-494.
2. Азадовский М. К. Поэтика “гилого места” // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. — М.-Л., 1960. — С. 503-544.
3. Дерман А. Жизнь В. Г. Короленко. — М.-Л., 1946.
4. Бялый Г. В. Г. Короленко. Изд. 2-е, испр., доп. — Л., 1983.
5. Аверин Б. В. Личность и эпоха в “Истории моего современника” Короленко // Русская литература. — М., 1974. — Т. 17. — № 2. — С. 175-186.
6. Christian R. F. V. G. Korolenko (1853-1921): A Centennial Appreciation // The Slavonic and East European Review, 1953-1954. — Т. 32. — С. 449-463.
7. Еришов П. Перечитывая Короленко... (К столетию со дня рождения В. Г. Короленко) // Возрождение, Septembre-Octobre 1953. — Т. 29. — С. 130-137.
8. Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-и томах. — М., 1954.
9. Азадовский М. К. Якутия в творчестве Короленко // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. — М.-Л., 1960. — С. 503-544.
10. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977.
11. Миронов Г. Короленко. — М., 1962.
12. Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50-60-е годы). — Калинин, 1973.
13. Сакулин П. Н. Теория литературных стилей // Филология и культурология. — М., 1990. — С. 133-165.
14. М. Н. Эпштейна “Природа, мир, тайник вселенной” (М., 1990).

Статья поступила в редакцию 23 февраля 2004 г.

УДК 37.1.3.82.0

И. М. Колтухова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ШКОЛЕ

В наши дни аксиологическая значимость сказки является общепризнанной, поскольку она «отражает менталитет и аксиологию целой нации» [2, с.33], «не знает сомнений в добре, ... не признает ни биологической, ни социальной фатальности зла» [9, с.161] и в качестве феномена культуры выступает как важнейший способ формирования «ценостной ориентации на сотрудничество, солидарность, единение социально разобщенных индивидов» [11, с.2]. Анализу закономерностей сказочного жанра, системы сказочных образов, характера сказочных оппозиций посвящены известные труды В. Я. Проппа, А. И. Никифорова, В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Е. М. Мелетинского, И. П. Лупановой и ряда других ученых.